

Анна Одувалова

Снежный ворон

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-44

Иллюстрация на переплете *ALES*

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 Снежный ворон / Анна Одувалова. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-229790-8

Они приходят, когда серая промозглая осень сменяется первым морозом и снежной вьюгой. В туманной дымке и в вихре снежинок проносятся над городом и дарят кому-то быстротечную любовь, а кому-то — смерть. Яркую, как искры зимнего солнца на кристаллах льда. И с ними всегда приходит он — любимец Мораны. Заледеневший и утративший горячие чувства, полюбить он уже не в состоянии.

Но так ли это? Может, найдется та, кто сможет растопить промороженное сердце?

Аглая должна была погибнуть, но ее спас парень с неестественно синими глазами и серебряными волосами. Вместе с ним в город пришла зима и... убийства.

Но виноват ли в них любимый сын богини зимы и смерти? Сможет ли он открыть свое сердце или просто заберет с собой еще одну живую душу, превратив случайную девушку в духа зимы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229790-8

© Одувалова А.С., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Мелкий моросящий дождь оседает на лобовом стекле машины, которая несётся по вечернему Северску в сторону моста, прозванному местными жителями «Бруклинским». Во многих городах есть пешеходная улица, в просторечье именуемая «Арбатом», а у нас вот — Бруклинский мост, соединяющий два берега Северной Двины, на которых раскинулся город, основанный в начале девятнадцатого века.

Костяшки пальцев на руке, сжимающей руль, побелели. Я вожу уже почти год, но до сих пор не могу расслабиться и вцепляюсь в прохладную кожаную оплётку так, что потом болят мышцы от напряжения. Дурацкая привычка.

За окном вспыхивают и гаснут фонари и вывески, а мокрый асфальт под колёсами сливается в единое разноцветное блестящее полотно. В десять вечера машин немного. Может быть, где-то в центре ещё стоят пробки, но здесь, на подъезде к мосту, поток значительно слабее.

В наушниках бормочет унылый мужской голос, пересказывающий мне Уголовный кодекс. Решение отказаться от музыки за рулём было героическим и трудным. Зато теперь я успеваю готовиться к семинарам. Очень выручает, когда объём информации, который нужно выучить к парам, превышает все разумные пределы.

Дворники скользят по стеклу, смахивая похожие на пыль дождевые капли, а я радуюсь, что не приходится в промозглую октябрьскую слякоть передвигаться пешком. Я готова молиться на свой «миник» — не новый, но бесконечно любимый. Родители даже после смерти сумели обо мне позаботиться, оставив этот подарок на восемнадцатилетие.

От воспоминаний сердце привычно сжимается.

На панели управления загорается красная иконка вызова. Это отвлекает от грустных мыслей.

— Алиса, возьми трубку, — командуя я, чтобы не отвлекаться от дороги. Голос начавшей беспокоиться тётки раздаётся в наушниках, сменяя порядком надоевшего лектора, и я отзываюсь, выслушав вопрос: — Да, мне осталось минут пятнадцать!

Отключаюсь и снова сосредотачиваюсь на дороге. У тётки я живу второй месяц — с того момента, как в один день бросила всё в Москве, перевелась в другой университет и вернулась в город детства. Престижный вуз, престижный парень — всё это осталось за тысячу километров отсюда. Жалею ли я? Нет. Там я была несчастна. А здесь? Здесь я пока ещё не поняла. Но хотя бы дышится легче, а за лобовым сте-

клом мелькают знакомый с детства мост, тёмная вода и огни, отражающиеся в ней.

Я не сразу понимаю, что что-то меняется. Машина становится словно неуправляемой, и зарождающаяся паника вызывает холодную дрожь. Я кручу руль, пытаюсь поймать дорогу, но под колёсами будто разлили масло или образовался лёд... Не могу понять. Дождь, который оседал на лобовом стекле, превращается в замороженные крупинки, или это у меня просто мутнеет от страха зрение?

Создаётся впечатление, что из дождливого слякотного октября я внезапно попала в холодный и снежный декабрь. Перед глазами начинающаяся вьюга, а машина на летней резине скользит всё быстрее и неумолимее по мосту. Мысли хаотично прыгают, пока я пытаюсь вернуть контроль над ситуацией, но не могу. Да что такое происходит?

Спят фары автомобилей, летящих навстречу. Они возникают размазанными вспышками в темноте, я, как в долбаном шутере, успеваю вырулить в последнюю минуту, избегая столкновения. Сбрасываю газ, но этого мало. Я словно на полной скорости качусь по стеклу. Истерично дёргаю рулём, пытаюсь не вылететь на встречу, и понимаю, что машина стала совсем неуправляемой. Меня тащит в сторону металлического ограждения моста. Глухой удар и ощущение полёта — последнее, что чувствую перед падением в воду. Это больнее и страшнее, чем кажется, когда смотришь кино.

Глава 1

Ворон Четыре часа назад

Здесь слишком много белого. Воздух густой и прозрачный, словно застывший во времени. Стены плавно перетекают в сводчатый потолок. Свет исходит из ниоткуда: бирюзовые и сиреневые блики прячутся в толще стен, будто в арктических водах, а сверху их покрывает тончайший матовый иней, похожий на сахарную пудру. Он сверкает под невидимыми лучами, и мне кажется, будто я нахожусь внутри идеально огранённого алмаза.

— Звала? — спрашиваю, останавливаясь перед белоснежным диваном, на котором, подогнув под себя ноги, сидит красивая черноволосая женщина. Из тех, кому можно дать и двадцать пять, и сорок. Ухоженная, холёная и холодная. С идеальным макияжем и укладкой, будто она собирается на светский раут.

Сейчас на женщине длинный шёлковый халат с изящным узором из перьев по рукавам, тоже, ко-

нечно, белый. В руках книга, которую, я уверен, она не читает, но встречается меня с ней, раскрытой посередине. Марине свойственен драматизм.

— И ты прекрасно знаешь зачем, — отвечает она и медленно поднимается, сделав несколько шагов навстречу. Останавливается прямо напротив и, чуть задрав голову, смотрит мне в глаза. Сейчас её зовут Марина Снежина, но я помню и другие её имена.

— Нет, — тихо, но уверенно произношу я, отклоняясь в сторону, когда её рука пытается коснуться моей щеки. Она в курсе, что я против. Я понимаю, выбора нет.

Точнее, он есть. Но такой, что ни один здравомыслящий человек в жизни не совершит. Да и нечеловек тоже.

Марина тоже об этом знает. Наверное, мне следовало бы называть её матерью, но... нет, пожалуй, не могу. Хотя Снежана вон привыкла быстро.

Женщина величественно проходит мимо меня и направляется к стеклянному журнальному столику. Пол в помещении холодный и блестящий, как лёд... Точнее, не «как». Мы давно уже не чувствуем царящего здесь холода, а иней, покрывающий стены, кажется элементом декора, напоминая дорожную венецианскую штукатурку.

— Держи. — Марина берёт со столика фотографию и протягивает её мне. Я демонстративно прячу руки в карманы. — Ты знаешь, что делать.

— Знаю, — отвечаю я и разворачиваюсь к выходу.

— Игра должна начаться сегодня, Иван! — настойчиво произносит она мне в спину.

Я лишь раздражённо дёргаю плечом. Могла бы и не напоминать. И без неё тошно. О таком не забудешь.

— Эта зима последняя, мои силы слабеют, и я рассчитываю на тебя. Это твой долг.

Киваю и ухожу прочь.

Следующие несколько часов бесцельно мотаюсь по улицам города, стараясь остаться незамеченным. Позёмкой скольжу под ногами прохожих. Они вздрагивают от внезапного холода, с удивлением оборачиваются, заметив неожиданный снег в октябре, и решают, что им показалось. Ветром выворачиваю зонты наизнанку, а когда тенью взываю над крышами, мелкий промозглый осенний дождь начинает кружиться снежинками. Хотя на мокрые тротуары они всё равно падают редкими ледяными каплями, тая, едва коснувшись земли.

Налетавшись, устраиваюсь на своём любимом месте — на высоких железных опорах «Бруклинского» моста. Свешиваю ноги в пустоту, чувствуя, как холод металла проникает сквозь ткань джинсов. Внизу, в чёрной глади воды, отражаются огни города: тусклые, размытые, словно утонувшие звёзды. Вдалеке мерцают окна домов, а вблизи прорезают темноту слепящие фары машин, оставляя за собой шлейф рыжего света на мокром асфальте.

Замечаю маленькую красную машинку, которая мчится уверенно, резво вырываясь из потока. Ловлю её взглядом, и в этот миг что-то меняется. Колёса теряют сцепление, и автомобиль, словно в замедленной съёмке, разворачивается, скользит к краю мо-

ста и срывается за ограждение в чёрную воду. Фары на мгновение вспыхивают под поверхностью, будто делают последний вдох, и гаснут.

Аглая

Падение оказывается настолько стремительным, что я не успеваю даже толком ничего понять. В голове проносятся обрывки мыслей, но их смывает прочь нарастающий гул в ушах и леденящее осознание: «Это действительно происходит со мной».

Руки действуют на автомате. Я успеваю шлёпнуть по кнопке стеклоподъёмника. Потом практически сразу же следует удар. Глухой, тяжёлый, вдавливающий весь мир в грудную клетку. Меня отбрасывает на руль, и я чувствую, как в лёгких заканчивается воздух. Подушки безопасности в моём старом «Купере» могли бы смягчить этот удар, но их давно нет. Возможно, сейчас это даже к лучшему, ничего не мешает в салоне, уже наполняющемся ледяной водой.

Сердце дико и неровно колотится где-то в горле. Я судорожно дёргаю за ремень безопасности. Клинит. Или это мои пальцы, одеревеневшие от ужаса, не могут нащупать привычную кнопку? Вода уже хлопает у щиколоток. Обжигающе холодная, чернильная в полумраке, она поднимается с пугающей быстротой, обволакивает ноги, бёдра, талию.

Я сжимаю пальцы, впиваюсь ногтями в пластик, дёргаю ремень с мольбой и проклятием одновременно. Щёлк. Ремень поддаётся, и я получаю

долгожданную свободу, но счёт уже идёт на секунды, мне холодно и страшно.

Ледяная вода обжигает кожу, высасывает тепло из костей. Пальцев на ногах я не чувствую вовсе, они стали чужими. Единственная мысль, стучащая в висках: «Выбраться. Быстрее».

Цепляюсь за край открытого окна и подтягиваюсь. Это только кажется, что вылезти через окно легко. Машина практически под водой, и я заполошно хватаю ртом остатки воздуха. Всё же протискиваюсь в окно полностью. Нога застревает, цепляясь то ли за ремень, то ли ещё за что-то, и меня на миг охватывает дикий, животный страх. Выворачиваюсь, соскальзываю в ледяную пустоту и ухожу с головой под воду.

Тишина здесь оглушающая и до невозможности холодная. Мне кажется, внутренности превращаются в лёд, а мир перестает существовать, даже дышать не надо...

Это открытие пугает, и я рывком вынырываю. Судорожно хватаю ртом колючий морозный воздух, больше похожий на осколки льда. Руки и ноги двигаются плохо. Они словно налиты свинцом и связаны невидимыми верёвками. Но инстинкт самосохранения оказывается сильнее.

Выжить. Чёрная вода и желание не уйти в пучину с головой. Больше ничего не существует. Ни прошлого, ни будущего. Только этот миг, холод и тусклые огни города вдальеке. Река здесь неширокая, я умею плавать... Но холод сковывает мышцы, вытягивая из тела последние силы. Темнота не просто вокруг

меня, она проникает внутрь, нащёптывая, что можно просто закрыть глаза и перестать бороться.

Но я плыву. Потому что, кроме этого чудовищного холода и темноты, есть ещё одна вещь: яростное, неистовое желание жить, бьющееся в груди в такт замерзающему сердцу. Верю, моё падение кто-нибудь видел и, может быть, вызвал спасателей. Мне просто нужно немного помочь им сохранить мою жизнь. Мне необходимо просто не сдаваться, даже если тяжёлые осенние ботинки, куртка и общая слабость неумолимо утягивают на дно.

Сил больше нет. Тело превращается в тяжёлое мокрое бревно. Я даже не чувствую, где заканчиваются мои руки и начинается вода. Мы смешались с ней, стали одним целым. Холод уже не жжёт, он просто есть, он стал мной, заполнил каждую клетку, вытеснил всё остальное. Сердце ещё бьётся, но где-то далеко за толстой стеной льда, в который превращается моё тело. И когда я уже почти готова сдать, закрыть глаза и позволить этой чёрной бездне забрать меня к тишине и покою, чувствую, как кто-то хватается меня за руку. Стальные, нечеловечески сильные пальцы смыкаются на запястье. Хватка крепкая, но я не чувствую боли, хотя, кажется, должна бы.

Я дёргаюсь навстречу. Мной движет отчаянное нежелание умирать, которое бьётся где-то под рёбрами загнанной птицей. Я хватаюсь за жизнь вопреки всему: ускользающему сознанию и пробирающему до костей холоду.

Ничего не вижу и уже не могу определить, где верх, где низ. Мир перевернулся и перестал существовать.

Не осознаю — я уже на поверхности или ещё под водой. Есть только холод, темнота и рука, которая держит меня мёртвой хваткой.

Последнее, что ощущаю перед тем, как сознание начинает гаснуть, — резкий рывок. Меня выдёргивает из воды, как пробку из бутылки. Вода не хочет отпускать, тянет назад, облизывает ноги, цепляется за ботинки, но тот, кто держит меня за руку, оказывается сильнее.

Время замирает. А в следующий миг я чувствую под лопатками что-то твёрдое. Земля. Мелкие камни. Пахнет гнилыми листьями, тиной, прелой травой и ещё чем-то живым, настоящим. Я на берегу.

Тьма перед глазами медленно рассеивается, и прямо перед собой я вижу глаза. Неестественные. Голубые, как весеннее небо, которое бывает только в апреле, когда лёд на реке уже сошёл, но воздух ещё прозрачен, звонок и пахнет талой водой. Чистые, яркие, в обрамлении жёстких чёрных ресниц. Мой мир сузился до них, я даже лица своего спасителя разобрать не могу.

Пытаюсь что-то сказать. «Спасибо». «Кто вы?» «Что происходит?» Губы шевелятся, но из горла вырывается только сиплый надорванный хрип. Язык не слушается. Я даже имени своего вспомнить не могу, в голове туман.

— У тебя в глазах снежинки... — наконец выдаю я информацию, которая почему-то сейчас кажется очень важной.

Моих губ касается ледяной палец. Настолько холодный, что я вздрагиваю. Странно, я думала, что уже не чувствую холода.

— Тсс-с...

Испуганно моргаю, пытаюсь удержать это лицо в фокусе, но веки тяжелеют, и я проваливаюсь в густую, вязкую пустоту.

Прихожу в себя будто бы через мгновение. Или спустя вечность. Время спуталось и потеряло всякий смысл. Надо мной склонился мужчина средних лет, с красными от холода щеками и тёмными кругами под глазами. Заметив, что я очнулась, он кричит куда-то в сторону:

— Сюда! Быстрее! Она пришла в себя! Давайте носилки!

Медленно поворачиваю голову, она кажется невероятно тяжёлой. Я по-прежнему лежу на земле, но сейчас закутана в несколько тяжёлых одеял. Ко мне уже бегут люди в ярких жилетах, светящихся в темноте неоновом-оранжевым, ташат носилки, гремят чем-то. Вокруг суета, крики, тишину разрывает вой сирены. Всё смешалось: свет фар, режущий глаза, вспышки фонарей, мечущиеся тени, чьи-то руки, трогающие меня, шупающие пульс.

Ловлю обрывки фраз вокруг. «Падение с моста», «Очевидец позвонил в 112», «Чудо, что выбралась, в такой воде больше пяти минут не живут», «Везём в городскую, срочно, гипотермия сильнейшая». Из контекста собираю картинку по кусочкам: кто-то видел, как моя красная машинка сорвалась в воду, и вызвал спасателей. Меня нашли на берегу. Живую. Сейчас повезут в больницу.

— Как ты себя чувствуешь? — Надо мной склоняется женщина в синей форме фельдшера. Она

держит мою руку, считает пульс, и пальцы у неё тёплые, живые, и это тепло проникает под кожу, щекочет, отдаётся где-то в груди. — Слышишь меня? Головой не ударялась? Давай не спи!

Я только слабо и неуверенно пожимаю плечами. Сама не знаю. Внутри пустота и странное оцепенение. Холод уже не чувствуется, тело ватное, будто я не здесь, будто всё это происходит не со мной, а с кем-то другим, а я просто смотрю кино со стороны. Но мне не больно и кажется, что всё в порядке. Но, возможно, я ошибаюсь.

Снова обвожу взглядом берег. Медленно, с усилием, вглядываясь в каждое лицо. Спасатели в жёлтых куртках с полосами светоотражайки, зеваки за оцеплением, полицейские с серьёзными лицами, врачи, суесящиеся вокруг носилок. Того, кто вытащил меня из воды, нет. Только мокрые камни, грязь, мельтешение людей и чёрная река, в которой остался мой маленький «миник», документы, телефон...

Сейчас, в этом шуме, хаосе, среди чужих лиц, я уже начинаю сомневаться: а был ли вообще мой спаситель? Может, он просто мне привиделся? Но могла ли я выбраться сама? Очень сильно сомневаюсь.

— Тебе повезло, — говорит мужчина в форме, остановившись возле моих носилок. Он смотрит на меня с одобрением. — Ты сильная и справишься. Не каждый здоровый мужик бы смог выбраться из тонущей машины и доплыть в ледяной воде. Считай, второй раз родилась.

Я хочу сказать, что выбралась не сама, что мне помогли, но мой спаситель исчез, и, похоже, его ви-

дела только я. Или не видела... Сама уже сомневаюсь, поэтому лишь слабо киваю, улыбаюсь и молчу. Какая, собственно, разница? Главное, я жива.

Меня начинает трясти. Мелко и противно. Зубы выбивают дробь. Сознание снова ускользает. Я медленно, неумолимо уползаю обратно в спасительное небытие. Фоном слышу, как что-то говорит фельдшер, как меня грузят в машину скорой помощи и она мчит в город. Со мной всё будет хорошо. Нужно просто поспать.

Город утопает в метели, которая растворяется в воздухе, опадая мелкой моросью на мокрый асфальт. На высоких опорах «Бруклинского» моста, там, где стальные конструкции уходят в темноту, стоят двое. Высокая черноволосая женщина в длинном белом одеянии — тяжёлая ткань струится на ветру, мерцает, будто соткана из снега. И молодой мужчина с по-военному короткой стрижкой и бесстрастным, застывшим взглядом. Он слегка придерживает женщину под локоть, хотя в этом нет никакой необходимости. Черноволосая уверенно балансирует на такой высоте, кажется, не испытывая неудобства.

Внизу по мосту проносятся машины, освещая жёлтым светом фар мокрый асфальт, мелкие капли ещё не снег, но уже и не дождь, сверкают в лучах. Под мостом столпотворение: мигалки разрывают ночь синими и красными вспышками, воеет сирена скорой, суется люди.

Пару на мосту никто не видит. Они словно два призрака, сотканные из снежинок и лунного света — бесплотные, чужие этому миру.